

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ТРУДЫ
ПО
РОССИЕВЕДЕНИЮ

Выпуск 5

Москва 2013–2014

ББК 63.3 (2)
Т 86

Центр россиеведения

Редакционная коллегия:

И.И. Глебова – д-р полит. наук, главный редактор, *А. Берелович* – проф. (Франция), *В.П. Булдаков* – д-р ист. наук, *Ю.И. Игрицкий* – канд. ист. наук, *В.Н. Листовская* – отв. секр., *Е.И. Пивовар* – чл.-корр. РАН, *Ю.С. Пивоваров* – акад. РАН, *Д. Свак* – проф. (Венгрия).

Ответственный за выпуск – *В.Н. Листовская*

Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН.
Т 86 Центр россиеведения; Гл. ред. Глебова И.И. – Вып. 5. – М., 2014. –
514 с.
ISBN 978-5-248-00778-3

Центральное место в очередном выпуске «Трудов по россиеведению» занимают политико-юридические и исторические сюжеты. Особое внимание уделяется конституционно-правовой проблематике (в связи с двадцатилетием Основного закона РФ), а также осмыслению Первой мировой войны – её хода, роли и последствий для мировой и российской истории. Издание продолжает разработку теоретических аспектов россиеведения.

Для специалистов-обществоведов и гуманитариев, аспирантов и студентов.

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-248-00778-3

© ИНИОН РАН, 2014

Содержание

О содержании «Трудов...» и некоторых очередных задачах россиеведения. (От редактора)	6
À la recherche du temps perdu: Исторические юбилеи 2013–2014 гг.	21
Россия в зеркале русской поэзии	35

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Ю.С. Пивоваров

«Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе»?

О статье Леонида Люкса (Ю.С. Пивоваров)

Л. Люкс

Евразийство и консервативная революция: Соблазн антизападничества в
России и Германии

И.Г. Шаблинский

О политическом режиме, новом консерватизме и партийности в России
2000–2010-х

В.Н. Чернега

Россия и ЕС: Проблема исторического выбора

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

И.И. Глебова

О Великой войне, национальной мифологии и современном российском
обществе.....

А.В. Оболонский

Из истории российско-советской бюрократии: Упущенные возможности,
невывученные уроки

В.В. Рулинский

«Проблема вины» в контексте преодоления тоталитаризма: О пользе не-
знания.....

Дискуссии об истории в России 2014 г.	209
Венгерские историки об исторических дебатах в России	210
Послесловие к венгерскому обсуждению русских вопросов (В форме диалога: Ю.С. Пивоваров – И.И. Глебова)	226
«Смесь»: Установки и мнения	232
И.И. Глебова	
Об учебнике истории и о мобилизационной идеологии	244
Ю.И. Игрицкий	
Кому нужны коллизии между научностью и патриотизмом: Об одной исторической работе и одной исторической дискуссии	250
А.Б. Каменский	
Еще раз о преподавании истории в школе: Предварительные ответы на неизбежные вопросы	256
ЮБИЛЕЙ: 20 ЛЕТ КОНСТИТУЦИИ РФ	
М.А. Краснов	
На пути к деперсонификации российской власти: Изменение статуса главы государства	269
И.Г. Шаблинский	
Судебная власть и политический режим в России: Некоторые аспекты взаимодействия	294
Е.А. Лукьянова	
О верховенстве права и о российской внешней политике	303
К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
И.И. Глебова	
Еще один камень в фундамент российской идентичности: Вспоминая «забытую» войну	329
В.П. Булдаков	
Модернизация по-русски: Опыт Первой мировой войны	348
О.В. Большакова	
На Восточном фронте без перемен: Зарубежная русистика о гендерной истории Первой мировой войны в России	383

Образ врага в сознании русских и немцев в годы Первой мировой войны (Сводный реферат)	397
---	-----

СЕМИНАРЫ ЦЕНТРА РОССИЕВЕДЕНИЯ

К двадцатилетию российской Конституции	409
Россия в эпоху безвременья	446

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Г. Шульпяков

Памяти девяностых: Когда каждый получал только то, что заслуживал	475
---	-----

А. Ципко

И снова жажда лжи	477
Украинский разрез российского будущего	483
Ментальная яма	490

Л. Петрановская

Расплата за гражданскую незрелость	495
Потеря невосполнима: Памяти Б.В. Дубина	500

В. Астафьев

«Мы не на земле живем – на мешке с костями»	505
Сведения о авторах	512

шающих Конституцию России, права и свободы человека, и готовность “отложить в сторону” даже их»¹.

Нельзя не согласиться с этим выводом С. Пашина. Кадровый состав судебной системы в основном не соответствовал тем задачам, которые были сформулированы в Конституции 1993 г. А новые нормы, устанавливающие порядок назначения судей и освобождения их от должности, а также неформальная практика, связанная с обеспечением лояльности судейского корпуса исполнительной власти, только усугубили ситуацию.

Именно такая судебная власть оказалась совершенно органичной политическому режиму, который сформировался в России к 2013 г. – к 20-летию Конституции.

Е.А. ЛУКЬЯНОВА

О ВЕРХОВЕНСТВЕ ПРАВА И О РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

К сожалению, в истории обычно остается приговор истории, а не приговор права. Тем важнее вовремя проанализировать события на предмет их «правовой чистоты». Чтобы дать возможность потомкам в обстоятельствах другой правовой реальности войти не в закрытую, а лишь в полуприкрытую дверь нового международного доверия.

Часть 1. Право и его верховенство как яблоко раздора

Комментируя высказывания президента России Владимира Путина по поводу Украины, президент США Барак Обама сказал: «У президента Путина, вероятно, другой набор юристов. Может быть, у него другой набор интерпретаций»¹. Надо отметить, что Обама был весьма деликатен. Канцлер ФРГ Ангела Меркель, выступая перед членами Бундестага, высказалась жестче: «Россия во время кризиса на Украине действовала по закону джунглей, актуальному для XIX–XX веков»². Что это? Происки драгов? Нападки геополитических конкурентов, стремящихся к мировому господству? Но ведь до этого сотрудничество хотя и было непростым, но предполагало таких срывов. Неужели дело действительно в праве? Попробуем разобраться.

О разнице в интерпретациях

Право. Российские юристы действительно иначе, нежели их европейские и американские коллеги, понимают право. На вопрос о том, что такое право, большинство из них (тех, кто имеет высшее юридическое об-

¹ Пашин С. Краткий очерк судебных реформ и революций в России // Отечественные записки. – М., 2003. – № 2. – С. 161–182.

¹ См.: РИА Новости. – Mode of access: <http://ria.ru/world/20140304/998156375.html>

² Ведомости. – М., 2014. – 13 марта. – Mode of access: <http://www.vedomosti.ru/poli/news/23913481/merkel-rossiya-dejstvuet-na-ukraine-po-zakonu-dzhunglej#iv773AOLAVNIV>

разование) ответит, что это совокупность санкционированных государством правил поведения, нарушение или неисполнение которых влечет за собой применение юридической ответственности. Но мало кто при этом уточнит, что есть еще целый набор требований к содержанию и форме этих правил, к тому, как они формулируются, каким образом принимаются и – главное – как работают.

Это связано с тем, что в России начиная с последних десятилетий XIX в. и до 20-х годов XX активно разрабатывалась позитивная теория права в ее юридическом, социологическом и психологическом вариантах. Е.В. Васильевский, М.Н. Гернет, С.К. Гогель, Д.Д. Гримм, Д.А. Дриль, А.А. Жижиленко, М.Н. Капустин, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Н.А. Неклюдов, Н.И. Палиенко, С.В. Пахман, Л.И. Петражицкий, А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, П.А. Сорокин, И.Я. Фойницкий, Г.Ф. Шершеневич – вот далеко не полный перечень российских ученых, которые внесли заметный вклад в ее развитие. Тогда это были новые идеи, имевшие западноевропейские корни, а правовой позитивизм, описывающий и систематизирующий законы, был мировым трендом.

За прошедшие полтора века взгляды на государство и право в мире сильно изменились. Возобладал естественно-правовой подход, убежденность в том, что помимо права, создаваемого государством, существует еще «естественное право», имеющее большую силу, чем позитивное. Оно включает в себя представления о справедливости и общем благе, социальные институты, защищающие свободные обмены и позволяющие пресекать агрессивное насилие. В России же, увы, произошла консервация позитивизма: авторитарной советской власти позитивный подход к праву был выгоден, и советские ученые, отвергая враждебные «буржуазные» исследования, продолжали отстаивать постулаты позитивистской теории права (8). В итоге единственным научным содержанием права стало изучение законов, а юриспруденцию подменили легистикой.

По наследству от СССР традиции юридического позитивизма образца столетней давности перешли к современной России. Заняв господствующее положение в правоведении, они тем не менее оказались не единственными. В нашей науке есть много современного и интересного. Например, либертатно-юридическая концепция философии права академика В.С. Нерсесянца, теория правового регулирования академика Ю.А. Тихомирова, институциональная теория права профессора В.А. Четвернина, которые позволяют исследовать право не только как официальные тексты, но и как реально действующие нормы, т.е. как феномен социальной жизни, социальных коммуникаций (13; 16; 18). Но в целом российская юридическая наука и школа, готовящая специалистов для судебной и правоохранительной деятельности, такими сложными категориями не оперируют. Они не рассматривают право как сложную социаль-

но-политическую дисциплину с огромным количеством неотъемлемых друг от друга тонких внутренних взаимосвязей и взаимозависимостей.

Российская юриспруденция декларирует, что материальным источником права является жизнь. При этом, противореча сама себе, единственным и достоверным считает источники формальные. У нас до сих пор с удовольствием цитируют слова замечательного русского философа права второй половины XIX в. Н.М. Коркунова: «Право не может быть мерилем для оценки интересов в свете добра и зла. Оно лишь определяет границы осуществления интересов и устанавливает определенные права и обязанности субъектов отношений» (10, с. 59). Кстати, англичане давно уже не употребляют термин «право» в чистом виде. В их юридическом дискурсе оно называется «law and morality» (право и мораль).

Верховенство права. Присоединение России к Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» (1998) внесло в официальную юридическую лексику огромное количество новых, не свойственных ей раньше понятий, таких, например, как жертва нарушения прав и свобод, свободные и справедливые выборы, приоритет ценностей и многие другие. Практикующим юристам (включая преподавателей правовых дисциплин) даже выучить всю эту новую терминологию было очень непросто. Еще более сложной задачей оказалось осознать ее сущность, т.е. овладеть всем багажом знаний, мыслей, гипотез и их доказательств, который на протяжении длительного времени нарабатывался учеными разных стран для создания единого приемлемого межконтинентального правового режима. К тому же начало процесса имплементации европейского права в России совпало с масштабной правовой реформой. Объем новых материальных и процессуальных правовых норм был так велик, что юристам было не до высоких смыслов и изысканий европейских ученых.

Самым сложным для российского восприятия оказался термин «верховенство права». Его попытались перевести дословно и... получилось «верховенство закона». Потому что словосочетание «rule of law», которым в английском языке обозначается верховенство права, при не очень профессиональном подходе переводится на русский и как верховенство права, и как верховенство закона. Но в английском «law» означает, скорее, не форму и не текст нормативного правового акта, принятого парламентом, а некое особое правовое предписание, отличающееся высшим смыслом. А это не совсем соответствует русскому слову закон с формальной точки зрения. Английское «law» вообще неаутентично слову «право» в его российском понимании и переводить его как «право» нельзя. «Право» – это «right».

В итоге английское «rule of law» и его русский перевод – это совершенно разные философские понятия. Верховенство права на Западе подразумевает строгое соблюдение закона, юридической силы и иерархии норматив-

ных актов, в первую очередь, означает верховенство смыслов. В России же оно трактуется как верховенство буквы закона. В докладе Венецианской комиссии «О верховенстве права» разнице между понятиями «верховенство права» и «верховенство закона» уделено специальное внимание. «В недавнем прошлом, – говорится в нём, – суть верховенства права в некоторых странах была искажена до того, что она стала равнозначной таким понятиям, как верховенство закона» («rule by law») или «управление на основе законодательства» («rule by the law»), или даже «закон на основе норм» («law by rules»). Такие формы толкования позволяют оправдать авторитарные действия правительств и не отражают истинного значения понятия «верховенство права» (6, с. 7).

Правовое государство. Еще большую путаницу в российскую трактовку¹ принципа верховенства права внес закрепленный Конституцией России термин «правовое государство», который является континентальной альтернативой англосаксонского «верховенства права»². Однако за 20 лет в России так и «не сложилось того единства, которое позволило бы говорить о наличии в российской юридической науке общепризнанной доктрины правового государства» (7, с. 52–53).

Да, не сложилось и не могло сложиться. Потому что все определения российских учебников, из которых следует, что государство является формой организации общества, устарели. Они неверны по отношению к любому современному государству и вдвойне неверны по отношению к государству правовому. Для объяснения его природы не пригодны повсеместно распространенные определения вроде: «Государство – это политическая организация общества, которая распространяет свою власть на всю территорию страны и ее население, располагает для этого специальным аппаратом управления, издает обязательные для всех веления и обладает суверенитетом». Правовое государство может быть определено не само по себе, а через его взаимоотношения с гражданским обществом, без которо-

¹ Российские авторы невольно идут за англоязычными правовыми философами, которые понятие «государство» («state») используют в основном применительно к международному праву, а рассуждая о внутренней правовой системе, используют термин «government», обычно переводимый на русский как «правительство». Термин «state» используют чаще всего в юридическом «американском английском» языке в значении «правовой статус», затем «штат» – субъект федерации в США и реже – как «государство» в нашем смысле этого слова. В связи с этим возникает непонимание при переводах, искажающее различие между доктриной российского правового государства из Конституции РФ и немецкого кантовского «Rechtsstaat» из Конституции Германии, с одной стороны, и англо-американской доктриной верховенства права – с другой.

² Концепции *Rechtsstaat* (правового государства) и *верховенства права* отличаются по двум пунктам: 1) англо-американская традиция не считает, что право может быть сведено к логической системе, контролируемой только лишь конституционным судом; 2) она не считает, что права гражданину предоставляются государством.

го не способно существовать, так же как и гражданское общество не может полномасштабно развиваться, если государство не является правовым (1).

Итак, одни трактовки устарели, других не сложилось, а о третьих так и не договорились. А ведь это не просто определения, но совершенно иная политико-юридическая модель взаимоотношений государства и общества, на которой основываются правовое сознание и правовое поведение. Получается, что Россия живет в другом правовом измерении, нежели большинство современных государств. Тонкий юрист-конституционалист 44-й президент США Барак Хусейн Обама в одной фразе сумел выразить суть проблемы, которая однажды вырвалась за пределы научной дискуссии и в конкретно сложившейся ситуации привела к жесткому разногласию. Говоря, вроде бы об одном и том же, мы вкладываем в слова совершенно разный смысл. Поэтому не понимаем друг друга.

О разных юристах

Юристы в России тоже отличаются от своих зарубежных коллег. Конечно, не все. В моей стране много высокопрофессиональных независимых экспертов в области права. Но они, как правило, отстранены от принятия государственно-властных решений, потому что в течение 20 лет государство отбирало для себя таких юридических исполнителей, которые были ему удобны. Остальные тем или иным способом постепенно выводились за рамки государственной юридической деятельности. В итоге сформировалось два юридических сообщества, которые говорят на совершенно разных языках и оперируют различными юридическими конструкциями. Одно по преимуществу составляют чиновники «от юриспруденции», судьи и парламентарии, члены избирательных комиссий и сотрудники правоохранительных органов. Другое – адвокаты, правозащитники и независимые ученые.

На международном симпозиуме «Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире», проходившем в Конституционном Суде России в октябре 2013 г., президент Американской ассоциации юристов Джеймс Силкинат назвал четыре универсальных требования, необходимых для функционирования системы, обеспечивающей реализацию принципа верховенства права. А именно:

1) государственный аппарат, его должностные лица и официальные представители подчиняются праву;

2) нормативные правовые акты являются ясными и определенными, официально публикуются, отвечают требованиям стабильности и справедливости и направлены на обеспечение и защиту основных прав, в том числе на защиту личности и собственности;

3) процесс принятия, исполнения и обеспечения действия нормативных правовых актов является открытым, справедливым и рациональным;

4) правосудие осуществляется компетентными, высокоморальными и независимыми заседателями или нейтральной стороной, которые имеются в государстве в достаточном количестве, обладают адекватными ресурсами и отражают структуру общества, которому служат (3).

Господину Силкинату эти принципы кажутся простыми и понятными. Ему трудно осознать, что для большинства российских государственных юристов они нуждаются в дополнительных разъяснениях.

Например, судей следует учить тому, что если в ходе судебного следствия доказательства обвинения оказались недостаточными, или не нашли своего подтверждения, или если защита привела доказательства, которые ставят виновность под сомнение и эти доказательства никем не были опровергнуты, то они обязаны руководствоваться конституционным принципом: неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ).

Российским судьям необходимо дополнительно пояснять, что они не могут не приобщать к делу доказательства, опровергающие позицию обвинения, не могут не осуществлять те процедуры, которые обязаны осуществлять в ходе судебного следствия для установления истины. Российский судья знает, что любой его оправдательный приговор будет поставлен под сомнение, многократно проверен и обжалован. Поэтому он манипулирует процессуальными нормами и пределами судейского усмотрения для вынесения наиболее безопасного для себя решения. Чтобы этого не было, российскому судье как минимум нужны дополнительные гарантии того, что любое его решение, основанное на законе, будет безопасно для его статуса. И, наоборот, он должен быть уверен, что понесет ответственность за заведомо неправосудное решение и что эта «заведомость» будет предметом честного публичного доказывания.

Для господина Силкината невозможна ситуация, когда председатель суда требует от каждого судьи ежедневно докладывать ему о делах, находящихся в производстве. Особенно о тех, «где сторонами выступают органы государственной власти и должностные лица». Американскому юристу непонятно, как можно лишить статуса судью, который отвергает такое требование. Даже в самом страшном сне ему не может присниться, что председатель квалификационной коллегии судей заявит в суде, что судья не может быть независимым, потому что он – часть судебной системы (5).

В России же обычна практика, которая делает невозможным выполнение практически всех требований, названных господином Силкинатов. Например, во время избирательных кампаний избирательные комиссии отказывают в удовлетворении жалоб на нарушения избирательного законодательства и предлагают заявителям идти в суд. А суды либо не приоб-

щают доказательства и не назначают экспертиз, либо принимают решения без каких-либо оснований вопреки справедливости и здравому смыслу на основе «голового» судейского усмотрения. После этого избирательные комиссии заявляют, что суд не нашел нарушений, и утверждают результаты нечестных и несправедливых выборов.

В итоге в силу порочности системы отбора происходит последовательное снижение компетентности представительных органов. Сформированный таким образом парламент, в свою очередь, манипулирует процедурами при принятии законов. Три чтения закона могут пройти за один день без обязательной рассылки законопроекта субъектам права законодательной инициативы, а поправки голосуются без обсуждения по таблицам, заранее утвержденным ведущим комитетом «к отклонению» или «к принятию». Бывают случаи, когда вступление закона в силу назначается раньше предельно возможного срока и приурочивается к специальной дате, если это необходимо для реализации определенной политической цели¹. При такой процедуре невозможно обеспечить ясности, стабильности и справедливости нормативных правовых актов, что есть неперемное условие реализации принципа верховенства права. Поэтому самой неработающей нормой Конституции России является запрет на издание законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55).

Но ведь не все суды и судьи в России таковы? Президент Федеральной палаты адвокатов России Евгений Семеняко утверждает: «Если в Европе над властью каждой страны стоят органы Евросоюза, его стандарты и принципы, то в России последний оплот защиты Конституции – Конституционный Суд» (3). Действительно, к кандидатам на должность судьи Конституционного Суда РФ закон предъявляет особые требования. В отличие от остальных судей, которые могут занимать должности лишь при наличии российского гражданства, высшего юридического образования и определенного юридического стажа, судьей Конституционного Суда назначается гражданин с безупречной репутацией, обладающий признанной высокой квалификацией в области права. Судья Конституционного Суда профессор Николай Бондарь уверен, что Конституционный Суд является

¹ Например, Закон № 65-ФЗ (вводящий специальную ответственность за проведение публичных мероприятий) Государственная Дума утвердила без публичного обсуждения в течение двух месяцев, приняв его в третьем чтении накануне заявленного протестного митинга на беспрецедентном за всю историю работы палаты ночном заседании. Закон был одобрен Советом Федерации на следующий же день, что опять-таки абсолютно невозможно с точки зрения процедуры. Но и этого оказалось мало. Вступление закона в силу произошло уникальным способом – в день опубликования, а не через десять дней после него как это предусмотрено Законом «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных конституционных законов, Федеральных законов, актов палат Федерального Собрания».

соавтором российской доктрины верховенства права, что именно на основе его решений обеспечиваются понимание этой доктрины и баланс между властью, свободой и собственностью. Председатель Конституционного Суда Валерий Зорькин в течение ряда лет был членом Европейской (Венецианской) комиссии за демократию через право и покинул ее лишь потому, что на заседаниях комиссии ему «все чаще приходилось высказываться о содержании правовых норм, которые затем попадают на рассмотрение Суда, а это запрещено законом»⁽²⁾.

Так, может быть, хотя бы Конституционный Суд в России просто не действует по общему шаблону? Чтобы получить ответ на этот вопрос достаточно проанализировать действия Конституционного Суда РФ в ситуации, вызвавшей столь резкую реакцию международного сообщества – предельного обострения российско-украинских отношений после присоединения к России Республики Крым и города Севастополь.

Часть 2. Верховенство права и Крым

Обращаясь к крымской ситуации 2014 г., я должна оговориться – меня трудно обвинить в кримофобии. Я очень люблю Крым. Последние двадцать лет я читала лекции о статусе территорий, тяготеющих к России, в том числе о статусе Республики Крым. Все эти годы, будучи руководителем научной экспертной группы по этим территориям, писала и говорила о том, что Крым требует большей гибкости со стороны украинских властей и настойчивости со стороны российских политиков. Я направляла бумаги в Администрацию президента РФ и ни разу не получила ответа.

И не я одна. Еще в 1992 г. Верховный Совет России считал «необходимым урегулирование вопроса о Крыме путем межгосударственных переговоров России и Украины с участием Крыма»¹. В связи с проведением 25 июня 1995 г. общекрымского референдума Государственная Дума предлагала «Правительству Российской Федерации предпринять необходимые шаги для активизации переговорного процесса с Украиной»².

Именно поэтому мне крайне не понравилось то, как произошло присоединение Крыма к России в 2014 г. Почему вдруг сейчас? Ведь референдум в Крыму проходит не в первый раз? 22 года молчали, а потом за

¹ Постановление Верховного Совета РФ от 21 мая 1992 г. № 2809-1 «О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 году».

² Постановление Государственной Думы от 17 мая 1995 г. № 771-1 ГД в связи с обращением Республики Крым.

23 дня присоединили¹? И почему только Крым? Ведь еще в сентябре 2006 г. аналогичный референдум прошел в Приднестровской Молдавской Республике: 97,1% избирателей проголосовали за присоединение к России (14). Крымская акция поставила под угрозу всю европейскую политику после Ялтинской конференции 1945 г., создала опасный прецедент государственного самопровозглашения, уже примененный в Восточной Украине, и больно ударила по экономике России.

В связи с этим хочется процитировать мнение выпускницы факультета международных отношений СПбГУ и МГИМО, известной российской журналистки Ксении Собчак: «Правда состоит в том, что российская внешняя политика на Украине была оглушительно провалена, и вместо дипломатических решений в ход пошло политическое мародерство. Можно было бы даже забыть про “нравственность” – ее в политике любого государства всегда меньше, чем расчета. Но ведь те экономические последствия, которые мы все на себе испытаем в ближайшие годы, будут ощутимы для каждого россиянина. В итоге оказывается, что наше государство совершило осуждаемый международным сообществом беспрецедентный политический акт еще и без выгоды, а с ущербом для своей экономики. Крым должен БЫЛ стать частью России... Но эту историческую несправедливость нужно было решать годами переговоров с Украиной, выстраиванием отношений, дипломатическими торгами. А не воровать канделябр из горящего соседского дома, пусть даже этот канделябр был подарен вами по пьяни» (15).

Стремительная процедура присоединения Крыма и сопутствующий ей пропагандистский накал привели российское научное сообщество в состояние ступора. Однако чуть-чуть отдышавшись и посмотрев на случившееся незатуманенным взором, можно сделать вывод: все это абсолютно вписывается в контекст общеправовой российской парадигмы. Именно присоединение Крыма к России является классическим примером нарушения принципа верховенства права путем интерпретации смыслов и манипуляции процедурами.

Особую роль в этой истории сыграл российский Конституционный Суд. Выполняя одно из главных действий, предусмотренных законодательством страны при принятии в ее состав части иностранного государства, – проверку не вступившего в силу международного договора на соответствие Конституции, суд, как минимум, восемь раз нарушил свои собственные процедуры и неверно интерпретировал положения закона.

Итак, что же произошло? Для того чтобы это понять, нужно восстановить *хронику событий*.

¹ От момента захвата зданий государственных органов Автономной Республики Крым до ее конституирования в качестве субъекта РФ прошло всего 23 дня, а от начала всенародного голосования в Крыму – шесть дней.

По сообщениям информационных агентств¹, в ночь с **26 на 27 февраля 2014 г.** группой неизвестных лиц было захвачено здание Верховного совета и Совета министров Автономной Республики Крым (далее – АРК). Над зданиями были подняты российские флаги. 27 февраля прекратилось сухопутное сообщение между Крымом и материковой Украиной. В тот же день Верховный совет АРК объявил о проведении референдума о статусе автономии и расширении ее полномочий. Голосование было запланировано на **25 мая 2014 г.** Тогда еще вопрос, вынесенный на референдум, не содержал положений, нарушающих территориальную целостность Украины. Целью референдума являлось «усовершенствование статуса АРК, чтобы права автономии были гарантированы при любых изменениях центральной власти или Конституции Украины».

1 марта президент России Владимир Путин запросил у Совета Федерации право на использование ограниченного военного контингента за пределами Российской Федерации и получил карт-бланш на введение войск на территорию Украины для «нормализации общественно-политической обстановки в этой стране». В этот же день дата референдума в Крыму была перенесена на **30 марта 2014 г.**

4 марта президент Путин заявил, что Россия не рассматривает вариант присоединения Крыма к России. «Только сами граждане, – сказал он – в условиях свободы волеизъявления могут и должны определять свое будущее».

6 марта власти АРК и города Севастополя объявили об изменении формулировки вопроса референдума и о переносе голосования на **16 марта**. Референдум был проведен в назначенный день. По официально опубликованным данным, за воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77% от числа участвовавших в референдуме.

17 марта, опираясь на результаты референдума, Верховный Совет АРК провозгласил Крым независимым суверенным государством – Республикой Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус.

17 марта президент Путин подписал указ о признании Республики Крым в качестве суверенного и независимого государства. Одновременно Республика Крым обратилась к России с предложением о ее принятии в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта со статусом республики. Парламент Крыма в ускоренном порядке подготовил проект межгосударственного договора о вступлении в состав Российской Федерации.

18 марта Путин начал процедуру принятия Крыма в состав России. Он уведомил правительство и палаты парламента о предложениях Госсовета Крыма и Законодательного собрания города Севастополя о принятии

в Российскую Федерацию и об образовании новых субъектов. Затем он одобрил и подписал межгосударственный Договор о принятии Крыма и Севастополя в состав России, в соответствии с которым в составе Российской Федерации образовывались новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь. В тот же день Путин направил в Конституционный Суд России запрос о проверке подписанного Договора на его соответствие Конституции РФ. Запрос был принят к рассмотрению немедленно без проведения публичных слушаний.

Утром 19 марта Конституционный Суд РФ признал Договор о присоединении Крыма соответствующим Конституции России.

19 марта президент Путин внес Договор на ратификацию в Государственную Думу вместе с соответствующими проектами законов¹.

20 марта Государственная Дума ратифицировала договор.

21 марта Совет Федерации ратифицировал договор. Путин подписал законы о присоединении Крыма и Севастополя к России. Договор вступил в силу.

21 марта в составе России образован Крымский федеральный округ и назначен полномочный представитель президента РФ в Крыму.

На первый взгляд с точки зрения Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (далее – Закон «О принятии») процедура была соблюдена. Действительно, в состав России в качестве нового субъекта может быть принято иностранное государство – по взаимному согласию и в соответствии с международным договором. Республика Крым по итогам референдума объявила себя таким государством. Россия это государство признала. Был заключен международный договор. Конституционный Суд РФ проверил его на соответствие Конституции, а парламент ратифицировал с одновременным принятием соответствующего закона и автоматическим внесением поправки в Конституцию РФ. Казалось бы, все гладко. В конце концов президент вполне мог отказаться от каких-либо дополнительных консультаций по вопросу о присоединении Крыма с парламентом или с правительством. Ничто не мешало ему попросить парламент собраться экстренно. Парламент же мог быть настолько убежден в правоте этого решения, что не стал ничего обсуждать (это подтверждают результаты голосования при ратификации договора). Так иногда бывает.

Но вот процесс проверки Конституционным Судом РФ Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Россий-

¹ Проект Федерального конституционного закона о создании новых субъектов Российской Федерации и проект закона о поправке в ст. 65 Конституции России.

¹ См., например: <http://www.interfax.ru/history/27/02/2014/>

ской Федерации новых субъектов (далее – Договор) вызывает вопросы, потому что это центральный юридически значимый момент всей процедуры. В соответствии с ч. 2 ст. 91 Закона «О принятии» «международный договор не подлежит введению в действие и применению, то есть не может быть ратифицирован, утвержден и не может вступить в силу для Российской Федерации иным образом, если Конституционным Судом установлено его несоответствие Конституции».

Да, конечно, Конституционный Суд России оказался в сложном положении. На вынесение решения ему была отведена всего одна ночь. Он оказался перед выбором – остаться в рамках правового поля или пойти на поводу у ситуации. Поэтому постановление Конституционного Суда, изготовленное им в ночь с 18 на 19 марта 2014 г., заслуживает специального внимания.

Нарушение первое. Недопустимость запроса. Весьма сомнительны как правомерность принятия Судом к производству запроса о проверке Договора, так и возможность рассмотрения этого дела вообще. Статья 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее Закон «О Конституционном Суде») предусматривает только одно основание для рассмотрения дела: «обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации не вступивший в силу международный договор». Статья 89, которая так и называется «допустимость запроса», предполагает возможность проверки международного договора только в случае, когда он подлежит ратификации (ч. 1), а «заявитель считает его не подлежащим введению в действие и применению в Российской Федерации из-за его несоответствия Конституции Российской Федерации» (ч. 2). Но никакой неопределенности в Договоре обнаружено не было. Президент, обратившийся с запросом в Конституционный Суд, не считал Договор неконституционным. Следовательно, сам запрос был недопустимым, и Конституционный Суд не мог принять его к рассмотрению.

Причина коллизии понятна. Федеральные конституционные законы «О Конституционном Суде» и «О принятии» принимались с большой разницей во времени (1994 и 2001 гг.), и депутаты попросту забыли адаптировать один к другому. Сам же Конституционный Суд, будучи полноправным субъектом права законодательной инициативы по «вопросам собственного ведения», тоже «проспал» ситуацию конфликтной коллизии двух конституционных законов. Но процедура есть процедура. И Суду пришлось «выкручиваться» из сложившейся ситуации прямо в решении¹.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов».

Почти на двух страницах его текста (п. 1) обосновывается, почему все-таки Суд в нарушение Закона стал рассматривать это дело. Суд честно признался, что в запросе ничего не было сказано о неконституционности Договора, что вопреки процедуре при оценке Договора отсутствовала спорящая сторона и что «полной процессуальной идентичности» данной ситуации с другими случаями факультативного конституционного контроля» обнаружить не удалось. В итоге Суд пришел к выводу: проверка Договора является всего лишь «неотъемлемой частью юридического состава государственно-властного решения», а потому – его обязанностью. То есть если нельзя, но очень хочется, то можно.

Нарушение второе. Невыполнение обязательной процедуры рассмотрения. Конституционный Суд провел проверку Договора, не выполнив требований ст. 41 и 49 Закона «О Конституционном Суде». Надо отдать должное Суду – в своем постановлении он признал, что при проверке Договора была нарушена предусмотренная законом обязательная процедура рассмотрения дел. Суд констатировал, что «обязан рассмотреть дело по существу, не прибегая в данном случае, с учетом специфики настоящего дела, к процедурам предварительного изучения обращения судьей Конституционного Суда и проведения слушаний по делу». И если рассмотрение дела без проведения слушаний в принципе возможно (ст. 47.1), то без предварительного тщательного изучения вопроса Закон это делать не позволяет. Но, как мы знаем, для вынесения решения Суду была дана всего одна ночь. Какое уж там предварительное изучение и назначение судьи-докладчика. Хотя в условиях цейтнота Суд вполне мог воспользоваться ч. 2 ст. 42 Закона «О Конституционном Суде», которая дает ему возможность обратиться к соответствующим органам и должностным лицам с предложением о приостановлении процесса вступления в силу оспариваемого международного договора Российской Федерации до завершения рассмотрения дела. Мог, но не воспользовался. Зачем? Ведь все и так уже решено «с учетом специфики настоящего дела».

Третье, четвертое и пятое нарушения касаются обязательных пределов проверки Договора. Закон «О Конституционном Суде» (ст. 86 и 90) устанавливает обязательные пределы проверки не вступившего в силу международного договора Российской Федерации на его соответствие Конституции. В Законе сказано, что Суд обязан проверить договор 1) по содержанию норм; 2) по форме; 3) по порядку подписания, заключения, принятия, опубликования или введения в действие. Кроме этого, Закон требует, чтобы Конституционный Суд принимал решение по делу, «оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов» (ч. 2 ст. 74).

Проанализировав постановление Суда от 19 марта 2014 г. с позиции этих обязательных требований, можно утверждать: Суд самоустранился от проверки Договора по целому ряду обязательных параметров.

Конституционный Суд самоустранился от оценки Договора по содержанию его норм на предмет их соответствия основам конституционного строя России. В тексте Договора сказано, что Российская Федерация заключает его «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также осознавая тесную взаимосвязь других основных принципов международного права, закрепленных, в частности, в Уставе Организации Объединенных Наций и Хельсинкском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, с принципом уважения и соблюдения прав и свобод человека...»¹. Был ли должен Суд проверить истинность данного положения? Да, был. Но не проверил.

А ведь именно Хельсинкский заключительный акт СБСЕ 1975 г., на котором базируется вся система европейской безопасности и на который ссылается Договор, четко закрепляет, что государства, его подписавшие (в том числе и Россия как правопреемница СССР), должны уважать территориальную целостность и нерушимость границ друг друга и никоим образом их не подрывать. Меморандум о поддержании мира и стабильности в СНГ 1995 г. гласит, что члены Содружества обязуются не поддерживать на территории друг друга сепаратистские движения, а также сепаратистские режимы, если таковые возникнут, не устанавливать с ними политических, экономических и других связей, не допускать использования ими территорий и коммуникаций государств – участников СНГ, не оказывать им экономической, финансовой, военной и другой помощи. «Ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов», – разъясняет принципы территориальной целостности и права народов на самоопределение, закрепленные в Уставе ООН, Декларация Генеральной Ассамблеи «О принципах международного права» 1970 г. В контексте именно этих документов должна была проводиться проверка Договора по содержанию, потому что они являются действующими международно-правовыми обязательствами России.

Отказавшись от анализа содержания Договора по существу, Суд не проверил его и на предмет соответствия ч. 2 и 4 ст. 15 Конституции РФ. В этой статье говорится, что «общепризнанные принципы и нормы меж-

дународного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Конституционный Суд неоднократно подтверждал это в своих решениях: «В соответствии с принципами правового государства, закрепленными Конституцией Российской Федерации, органы власти в своей деятельности связаны как внутренним, так и международным правом. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы и должны добросовестно соблюдаться»¹.

Из этого следует, что если не вступивший в силу международный договор противоречит другим международным обязательствам, взятым на себя Россией, заключенным ранее и не денонсированным к моменту проверки, то он обязательно должен быть проверен на соответствие этим обязательствам. Более того, Конституционный Суд не мог игнорировать неизбежные последствия ратификации Договора: принятие внутренних законов России, которые, вполне соответствуя «проверенному» договору, окажутся в антагонистическом противоречии с иными договорами.

Но, оказывается, в ситуации с Крымом эти нормы не работают. В своем постановлении Суд указал: «Поскольку в силу части третьей статьи 3 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права, он не оценивает политическую целесообразность заключения международного договора». То есть в одних случаях международное право признается важнейшей правовой основой конституционного строя России, а в других подчиняется политической целесообразности. Так элегантно путем умышленной подмены Суд смог обойти сложную конъюнктурную ситуацию.

Конституционный Суд самоустранился от оценки Договора по форме. В своем постановлении Суд умышленно исключил из предмета проверки Договора «анализ документов, на которые такой договор ссылается в качестве своей основы». Понятно, что в данной ситуации для Суда

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-п «По делу о проверке конституционности указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации».

¹ См.: Российская газета. – М., 2014. – 19 марта.

это был единственный выход: если бы документы были изучены, Суд вряд ли смог бы признать Договор соответствующим Конституции.

Во-первых, Договор основан на Декларации о независимости Республики Крым, главной правовой позицией которой является апелляция к решению Международного суда ООН по Косово. В Декларации так прямо и сказано: «Принимая во внимание подтверждение Международным судом ООН в отношении Косово от 22 июля 2010 года того факта, что одностороннее провозглашение независимости частью государства не нарушает какие-либо нормы международного права... мы принимаем решение»¹. Но такая апелляция недобросовестна. Во-первых, потому, что Международный суд правомочен давать всего лишь рекомендательное мнение по поступившему запросу. Вердикт Международного суда ООН так и называется – Консультативное заключение Международного суда по Косово. И хотя многие сегодня считают этот документ едва ли не международной санкцией на сецессию, тогда – 22 июля 2010 г. – судебная инстанция ООН вообще не обсуждала законность или незаконность этнополитической сецессии или право наций на самоопределение как принцип. К этому моменту 69 из 192 стран – членов ООН признали Косово в качестве независимого государства. При этом независимость Косово до сих пор не признается ООН в целом, потому что два постоянных члена Совета Безопасности (Россия и Китай) категорически выступают против одностороннего самоопределения бывшего автономного края в составе Сербии. Даже в Европе отсутствует консенсус относительно признания бывшего автономного края Сербии независимым образованием (пятью странами – членами ЕС – Испанией, Грецией, Румынией, Кипром и Словакией – в таком качестве Косово не признано) (см.: 4; 11). Заметьте – *именно Россия категорически не признает* решения Международного суда по Косово! Но именно это решение и лежит в основе всех документов о присоединении к России Крыма. И Конституционный Суд не может этого не знать.

Во-вторых, основанием для заключения договора является признание Россией Республики Крым независимым государством. 17 марта 2014 г. президент РФ подписал Указ № 147 «О признании Республики Крым», в котором сказано: «Учитывая волеизъявление народов Крыма на общекрымском референдуме, состоявшемся 16 марта 2014 г., признать Республику Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус, в качестве суверенного и независимого государства». Но народы Крыма изъявили свою волю совсем по другому поводу. На общекрымский референдум были вынесены два вопроса: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» и «Вы за восстановление действия

Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?». Ни слова о независимости. Должен был Конституционный Суд проверить это правовое основание? Или оно снова подпадает под определение правовой <политической> целесообразности?

Конституционный Суд самоустранился от оценки Договора по порядку его подписания. Судом проверялись только полномочия российской стороны и без того очевидные. Суд констатировал, что Договор «подписан президентом Российской Федерации, который наделен полномочием определять в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами основные направления внутренней и внешней политики государства». «Исходя из этого подписание рассматриваемого Договора Президентом Российской Федерации соответствует Конституции Российской Федерации». Больше ничего не исследовалось, хотя предмет для такого исследования был.

Со стороны Крыма Договор был подписан главой правительства Крыма Сергеем Аксеновым, спикером крымского парламента Владимиром Константиновым и главой (мэром) г. Севастополь Алексеем Чалым. Однако статус города Севастополя в составе Украины вообще не предполагал наличия выборного мэра. Так называемый «народный» мэр – гражданин России Алексей Чалый был избран жителями на митинге. То есть на момент его избрания пост мэра не был предусмотрен Конституцией Украины. Но если бы и был, данное лицо не могло быть на этот пост избрано по причине наличия у него гражданства иностранного государства¹.

Не меньше вопросов возникает и к процедуре избрания председателем правительства Крыма Сергея Аксенова. Но Конституция Украины (ст. 136) предусматривается обязательное согласование кандидатуры на этот пост с президентом Украины. Когда 27 февраля 2014 г. здание Верховного Совета Крыма было занято отрядом неизвестных вооруженных лиц в камуфляжной форме, захватившие пустили внутрь группу депутатов, *предварительно отобрав у них средства мобильной связи*. По словам спикера Верховного Совета Крыма В.А. Константинова, ему *звонил* В.Ф. Янукович, которого парламентарии считали президентом Украины, и устно согласовал кандидатуру Аксенова. Как? По отобранному телефону?

¹ Алексей Михайлович Чалый исполнял обязанности губернатора Севастополя в течение всего двух недель. 1 апреля он был назначен на этот пост депутатами законодательного собрания Севастополя (бывшего городского совета), которые единогласно поддержали его кандидатуру. Такое решение не соответствовало российскому законодательству, согласно которому и.о. губернатора назначает президент. Однако в тот же день было заявлено о том, что действующая система исполнительной власти в Севастополе просуществует не дольше месяца, а новый устав города будет принят до конца апреля – в нем назначение и.о. губернатора приводилось в соответствие с российской практикой.

¹ Mode of access: <http://www.unian.net/politics/895069-rada-kryima-prinyala-deklaratsiyu-o-nezavisimosti.html>

Депутаты избрали Аксенова премьером нового правительства (постановление № 1656-6/14). Правда, видеозапись заседания не велась, журналисты на него допущены не были. Согласно официальному заявлению пресс-службы Верховного совета, за это решение проголосовали 53 депутата. По данным ZN.UA, поначалу в зале действительно находились 53 депутата, но некоторые из них покинули заседание. Более того, при рассмотрении вопроса об отставке прежнего премьера А.В. Могилева и о назначении на этот пост С.В. Аксенова разгорелся скандал, и группа депутатов отказалась принимать участие в голосовании. Депутат С.В. Куницын отмечает, что в момент голосования в зале находилось всего 47 человек при кворуме в 51. По сообщениям некоторых депутатов, среди «проголосовавших» обнаружилось фамилии не только не голосовавших, но и отсутствовавших.

Возникает вопрос: если полномочия двух из трех подписантов столь сомнительны, мог ли Конституционный Суд признать Договор соответствующим Конституции РФ по порядку подписания? Иначе получается, что проверка по форме подписания касалась не вопросов права, а проблемы правильности чернил, которыми Договор был подписан.

Нарушение шестое. При проверке конституционности Договора по порядку его введения в действие Конституционный Суд РФ применил правовую интерпретацию во имя достижения заранее определенной цели. В Договоре (ст. 10) сказано, что он «временно применяется с даты подписания и вступает в силу с даты ратификации», а Республика Крым считается принятой в состав Российской Федерации с даты подписания Договора (п. 1 ст. 1). Суд признал эти положения соответствующими Конституции и попытался предельно подробно это обосновать (п. 3 постановления). В обосновании фигурирует и Венская конвенция о праве международных договоров, допускающая такую возможность¹, и ссылка на собственную правовую позицию². Вроде бы все убедительно и правильно. Но почему-то не упоминается ч. 2 ст. 65 Конституции России, в

¹ Применение международного договора возможно до его вступления в силу, если это предусмотрено в договоре или если об этом была достигнута договоренность со сторонами, подписавшими договор (п. 1 ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., участником которой является Российская Федерация и который, по существу, воспроизведен в ст. 23 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»). Допустимость такой правовой конструкции подтверждена и Конституционным Судом РФ в постановлении от 27 марта 2012 г. № 8-П.

² Суд ссылается на постановление от 27 марта 2012 г. № 8-П, в котором, в частности, указано, что временное применение международного договора используется Российской Федерацией в практике межгосударственного общения, как правило, в случаях, когда предмет договора представляет особый интерес для его участников.

данном случае отсылающая Суд к специальному конституционному Закону, которым он должен руководствоваться при оценке Договора.

А Закон как раз устанавливает жесткое правило именно для такого вида международных договоров, как договоры о принятии иностранного государства в состав России в качестве ее субъекта. В нем (ч. 2 ст. 91 Закона «О принятии») однозначно определено: **«Международный договор не подлежит введению в действие и применению, то есть не может быть ратифицирован, утвержден и не может вступить в силу для Российской Федерации иным образом, если Конституционным Судом установлено его несоответствие Конституции».** То есть до решения Суда такой договор применяться не может. И Суд это понимал – настолько хорошо, что даже не использовал свою любимую формулу для скользких политических ситуаций: он рассматривает исключительно вопросы права. Суд прямо заявил: «То, что Республика Крым считается принятой в Российскую Федерацию с даты подписания Договора, носит характер принципиального политического волеизъявления».

Нарушение седьмое. Конституционный Суд РФ принял решение вопреки своей собственной правовой позиции. Еще в 1995 г. при проверке конституционности указов Президента Ельцина по использованию вооруженных сил в Чечне Конституционный Суд заявил, что государственная целостность является «одной из основ конституционного строя Российской Федерации», что «Конституция Российской Федерации не предусматривает возможности одностороннего решения вопроса об изменении статуса субъекта Российской Федерации и о его выходе из состава Российской Федерации»¹. А раз так, то в силу принципов добросовестности и последовательности Россия обязана была уважать и право Украины на территориальную целостность.

Эта правовая позиция никем не была оспорена и не подверглась корректировке самим Судом. А значит была обязательна для исполнения. Статья 6 Закона «О Конституционном Суде» гласит: «Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений».

Нарушение восьмое. Проблема Севастополя. Это, пожалуй, один из самых важных вопросов – откуда в Договоре о присоединении Республики Крым взялся город Севастополь и каковы правовые основания его присоединения к России?

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-п.

Как мы помним, в состав России в качестве нового субъекта могло быть принято иностранное государство. И если Автономная Республика Крым имела достаточное количество государственных признаков, чтобы самоопределиться, самопровозгласиться и быть признанной в качестве независимого иностранного государства¹, то город Севастополь сделать этого не мог никаким образом. Потому что не входил ни в Крымскую область на момент разрушения СССР, ни в Автономную Республику Крым на момент проведения общекрымского референдума.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. № 761/2 Севастополь был выведен из состава Крымской области и стал городом республиканского подчинения. Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» *передавалась Крымская область, а не Крымский полуостров*. Севастополь к этому моменту уже шесть лет как не числился в ее составе. Передача Севастополя Украине состоялась в результате заключения 19 ноября 1990 г. двустороннего договора между Украиной и Россией, в котором стороны отказывались от взаимных территориальных притязаний. Впоследствии этот принцип был закреплен в договорах и соглашениях между государствами СНГ. Об особом статусе города Севастополь в составе АРК говорилось лишь в тексте Конституции Республики Крым 1992 г., вопрос о возврате к которой не получил поддержки большинства на общекрымском референдуме 16 марта 2014 г.

То есть на момент подписания Договора Севастополь не являлся иностранным государством и не мог быть принят в состав России по тем же правилам, что и Республика Крым. Для таких случаев в Законе «О принятии» (ч. 2 ст. 4) предусмотрена совсем другая процедура: «Принятие в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта части иностранного государства осуществляется по взаимному согласию Российской Федерации и данного иностранного государства в соответствии с международным (межгосударственным) договором, заключенным Российской Федерацией с данным иностранным государством».

Здесь, как и в случае с доратификационным временным применением Договора, Конституционный Суд РФ должен был руководствоваться прямой конституционной отсылкой: «Принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта осуществляется в порядке, ус-

¹ В современном международном праве предусмотрена теоретическая возможность возникновения новых независимых государств в результате признания права определенного народа на самоопределение и создание собственного государства при наличии признания со стороны мирового сообщества государств угрозы для существования данного народа, в случае продолжения нахождения его в рамках государства, не соблюдающего принцип равноправия и самоопределения народов.

тановленном федеральным конституционным законом» (ч. 2 ст. 65 Конституции). Чтобы установить соответствие Договора Конституции, Суд был обязан проверить его на соответствие Закону «О принятии». Но не сделал этого. А если бы сделал? Может быть, тогда по-другому пошла бы история? Когда нарушение наших внутренних законов касается только нас самих, это еще полбеды. В конце концов, это наше внутренне дело. Да и то не всегда. Вопросы соблюдения прав человека давно уже вынесены на международный уровень. Но в данном случае ситуация иная: нарушение внутреннего законодательства нанесло ущерб людям и государствам за пределами России. И сделал это один из высших судов страны.

Часть 3. Цивилизационная проблема?

Сейчас много говорят и пишут о том, что причина противостояния России и ее вчерашних международных партнеров коренится в поразившем мир цивилизационном разломе, в котором Россия оказывается за рамками системы европейских достижений и ценностей (19). Цивилизационно-историческая типология – теория, безусловно, красивая. Звучит она достойно и убедительно. Настораживает только тупиковая простота: с ее помощью можно без труда обосновать практически любые поведенческие странности. А так не бывает. Нет сомнений, что исследовать цивилизационные модели необходимо – они помогают тоньше и глубже познавать мир. Но объяснять все непреодолимыми культурно-генетическими различиями нельзя. Ведь нет никаких достоверных доказательств того, что в силу культурно-исторических особенностей какой-то народ не может воспринять и применять достижения человеческой мысли и опыт других народов.

Фатальная «загнанность» в цивилизационные модели искусственна. Это всего лишь удобный пропагандистский прием для обоснования отказа от развития или для сокрытия истинной причины такого отказа. Не случайно разговоры о цивилизационной особости России зазвучали с новой силой именно тогда, когда она естественным путем стала переходить к европейской модели развития. Российские граждане начали понимать, что государство – не сакральная сущность, данная им свыше, а всего лишь содержащийся на их собственные налоговые отчисления аппарат, предназначенный для выполнения определенных ими же общественно значимых функций. Очевидно: пока государство продолжает быть субъектом, осуществляющим полномочия верховного собственника, гражданское общество как контролер и участник принятия государственно-властных решений будет встречать его отчаянное сопротивление. Один из ведущих российских теоретиков права В. Четвернин утверждает: «Российские правящие группы объективно не заинтересованы в модернизации и становле-

нии индустриального общества, особенно — частной собственности, поскольку при таком развитии они утратят господствующее положение. Демократия будет иметь лишь внешние атрибуты. А элита объяснит ужесточение контроля над страной необходимостью защищать национальные ценности от враждебного зарубежного влияния» (17).

То есть проблема вовсе не в разнице цивилизаций. Как только в России начали меняться общественный запрос к государству и взгляды людей на его природу, назначение и место в обществе, возникла реальная угроза для власти. А поскольку изменения появились вследствие действия комплекса конкурентных факторов (*конкуренции бытия, смыслов, информации и глобализации*¹), закономерной защитной реакцией государства стала борьба с этими факторами. Первые удары были нанесены по СМИ, Интернету и образованию — по школьным программам и учебникам, чтобы устранить конкуренцию информации и конкуренцию смыслов. А потом под видом ответа на международные санкции взялись за конкуренцию бытия, ограничив международный обмен, усложнив выезд граждан за пределы страны, удалив с полок магазинов образцы, свидетельствующие о серьезных конкурентных преимуществах их производителей.

Но кое-что от цивилизационной проблематики здесь все-таки есть. Дело, однако, не в разных типах цивилизаций, а в **разнице между цивилизацией и варварством**. Потому что в современном мире водораздел между ними проходит по отношению людей к праву. В условиях, когда государство все больше становится услугой, качество которой оценивает общество, именно право выступает той всеобщей цивилизационной ценностью, о сохранении и развитии которой заботятся все вместе. Право — это не просто перечень правил, а основанный на международной морали мирного сосуществования набор стандартов, о котором общества и государства договорились. Они возвели эти стандарты в закон, обеспечили

¹ *Конкуренция бытия* — более двух десятилетий открытости государства, обеспечившего населению возможность видеть и сравнивать. *Конкуренция смыслов* — доступ к альтернативной, а не только к официально рекомендуемой литературе (художественной и научной), позволивший выросшим за эти годы поколениям научиться думать и анализировать. *Конкуренция информации* — информационное общество, позволяющее людям не только избегать участи постоянного объекта государственной пропаганды, не только иметь свою точку зрения, но инициировать собственную дискуссию по любому вопросу, минуя разрешительную систему и самоцензуру официальных СМИ. *Конкуренция глобализации* — унификация ряда ценностей на основе их конкурентных преимуществ, оцененных человечеством и превращенных в межгосударственные стандарты. Несмотря на большие различия и антагонистические оценки глобализации в российской науке, все исследователи тем не менее сходятся в одном — современный период представляет собой всемирный (а не только российский) этап огромной трансформации, который затрагивает самые разные аспекты человеческой жизни — от технологии производства и управления до правосудия и индивидуальных ценностей.

специальными процедурами, и каждый со своей стороны обязался их соблюдать под контролем и во взаимодействии друг с другом.

Парадокс, но точнее всего эту мысль выразил председатель Конституционного Суда России Валерий Зорькин. В своей статье «Цивилизация права» он писал: «И большинство человечества договорилось о следующем. Проводим честные выборы. Принимаем в качестве лидера того, кому доверяет большинство. Ограничиваем этого лидера рамками закона. И живем до следующих выборов. Человечеству, уставшему от двух мировых войн, напуганному перспективой третьей мировой войны, возжелавшему элементарного покоя и радостей частной мирной жизни, показалось, что можно добиться стабильности на основе такого простейшего общественного договора. Так в итоге была построена — на основе огромных жертв, методом кровавых проб и страшных ошибок — цивилизация права» (9).

Все верно. Россия тоже попыталась пойти по этому пути. Но практически сразу на нем появились две формализованные правом оговорки, которые обусловили неизбежный поворот в сторону: «как бы» честные выборы и невозможность ограничить законом лидера. И ничего не вышло. Потому что право — это сбалансированная многомерная система. В ней нет мелочей, которыми можно безболезненно пренебречь или пожертвовать без угрозы для системы в целом.

Стоит только добавить, что в оценке действий России госпожа Меркель немного ошиблась в датах. Несвязанность властителей своими же законами — это не «закон джунглей образца XIX–XX вв.». Такая несвязанность обосновывалась еще в IV в. до н. э. в китайской книге «Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан»): «Если право погибает, то мир окажется у края бездны» (цит. по: 12, с. 324). И председателю Конституционного Суда России — специалисту по истории политических и правовых учений профессору Валерию Зорькину — это, безусловно, хорошо известно. Во многом благодаря действиям возглавляемого им суда мы уже оказались на краю. Неспособность давать оценку, исходя из верности духу права и духу цивилизации, на этом праве построенной, — это варварство. А варварство лечится. Не мгновенно, но лечится. Довольно просто. Образованием и культурой.

Анализируя сегодняшние разногласия России с международным сообществом, уместно вспомнить старую буддистскую притчу, повествующую о том, как жители одной деревни попросили Будду переубедить слепого, который не верил в существование света. Ссылаясь на то, что ему не могут привести ни одного неоспоримого доказательства такого существования, слепой был настолько убедителен в своих рассуждениях, что даже те, кто абсолютно точно знал, что свет существует, подпали под его влияние. Будда не стал переубеждать слепого, а попросил лекаря вылечить его. Когда через полгода слепой прозрел, Будда предложил ему поспорить о

свете. Но спор не состоялся. Потому что они уже принадлежали к одной реальности.

Список литературы

1. Баренбойм П.Д. Концепция Зорькина – Танчева о соотношении современных доктрин верховенства права и правового государства. – Mode of access: http://www.philosophicalclub.ru/?an=Barenboim_-_Kontsepsiya_Zorkina-Tancheva
2. Валерий Зорькин воспользовался конституционным правом. – Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/2195731>
3. Верховенство права vs. верховенства закона?: О правовых регуляторах, правовых барьерах и конституционном правосудии // Новая адвокатская газета. – М., 2013. – № 21 (158).
4. Голубок С.А. О соответствии международному праву односторонней декларации независимости Косово: Консультативное заключение Международного суда ООН от 22 июля 2010 г. // Международное правосудие. – М., 2011. – № 1.
5. Гусева Е. Я федеральный судья, а не продавщица // Новая газета. – М., 2008. – 22 дек.
6. Доклад «О верховенстве права», утвержденный Европейской комиссией за демократию через право (Венецианская комиссия) на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.). – Страсбург, 2011. – 4 апр.
7. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М.: Норма: Инфра-М., 2011. – 720 с.
8. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 270 с.
9. Зорькин В.Д. Цивилизация права // Российская газета. – М., 2014. – 12 марта.
10. Коркунов Н.М. Сборник статей: 1877–1897. – СПб.: Н.К.Мартынов, 1898. – 574 с.
11. Маркедонов С. Косово: Декларации или политическая реальность? // Ноев ковчег. – М., 2010. – № 09 (156). – Mode of access: <http://noev-kovcheg.ru/mag/2010-09/2195.html>
12. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. – 4 изд. – М.: Норма, 2004. – 944 с.
13. Нерсесянц В.С. Философия права: Либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – М., 2002. – № 3. – С. 3–15.
14. Приднестровье попросилось в состав России. – Mode of access: <http://lenta.ru/news/2014/03/18/transnistria>
15. Собчак К. Открытое письмо Никите Михалкову. – Mode of access: <http://www.snob.ru/profile/24691/blog/80450>
16. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: Теория и практика. – М.: Формула права, 2010. – 400 с.
17. Четвернин В.А. Исторический прогресс правовой свободы и цивилизационно-историческая типология. – Mode of access: <http://teoria-prava.hse.ru/nersesyants-conference/3/57-chetvernin-abstracts>
18. Четвернин В.А. Лекции по теории права и государства: Аудиокнига. – Mode of access: <http://www.teoria-prava-ru.1gb.ru/jus/> <http://audio-booki.ru/tiching/15351-vladimir-chetvernin-lekcii-po-teorii-prava-i-gosudarstva-audiokniga.html>
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 (5) с.

К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Большакова Ольга Владимировна** – кандидат исторических наук, заведующая Сектором истории России Отдела истории ИНИОН РАН
- Булдаков Владимир Прохорович** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН
- Глебова Ирина Игоревна** – доктор политических наук, руководитель Центра россияеведения ИНИОН РАН, профессор РГГУ
- Игрицкий Юрий Иванович** – кандидат исторических наук, заведующий Отделом Восточной Европы ИНИОН РАН, главный редактор журнала «Россия и современный мир»
- Каменский Александр Борисович** – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории НИУ ВШЭ
- Краснов Михаил Александрович** – доктор юридических наук, профессор, зав. Кафедрой конституционного права НИУ ВШЭ, бывший помощник президента Б.Н. Ельцина по правовым вопросам
- Лукьянова Елена Анатольевна** – доктор юридических наук, профессор НИУ ВШЭ
- Люкс Леонид** – профессор Католического университета г. Айхштетт (Германия)
- Медушевский Андрей Николаевич** – доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, ведущий эксперт Института права и публичной политики
- Минц Михаил Михайлович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН

Оболонский Александр Валентинович – доктор юридических наук, профессор НИУ ВШЭ

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН, директор ИНИОН РАН

Рулинский Василий Васильевич – кандидат исторических наук, пресс-секретарь Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ

Шаблинский Илья Георгиевич – доктор юридических наук, профессор НИУ ВШЭ, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, чрезвычайный и полномочный посланник I класса, консультант Совета Европы (Страсбург)

**Труды по россиеведению
Выпуск 5**

Художник обложки И.А. Михеев

Компьютерный набор Л.К. Исаева

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение

№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 15 /XII – 2014 г.

Формат 60×84/16 Бум.офсетная № 1

Печать офсетная Цена свободная

Усл.печ.л. 30,0 Уч.-изд.л. 31,1

Тираж 950 экз. Заказ № 53

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:

Тел. /Факс 8(499) 120-4514

E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru

(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН

Нахимовский пр-кт, д. 51/21,

Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9